

Никола Дуплинский

Основано на издании 1910 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/nikola_duplinskiy/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Никола Дуплинский

Жил-был в одной деревне мужик Афанасий с женою своей Степанидой. Были они уж немолоды, но детей так и не нажили. Муж охотился, я жена пряжу пряла – тем на жизнь и зарабатывали. Доходили до мужика слухи, что Степанида его не любит, на сторону поглядывает, за соседа Никанора замуж выйти хочет. Только Афанасий не верил, говорил, что людская молва как морская волна – побурлит да отхлынет. Но сомнения в душе его всё же поселились, и решил он тогда проверить, не возводят ли люди напраслину на его жену.

Взял мужик как-то ружьё да в лес отправился. Нашёл старую сосну с большим дуплом, смастерил из веток крест да повесил его на сук. Вернулся домой и говорит Степаниде:

— Ходил я сегодня силки проверять, набрёл на огромное дерево с крестом на суку. Только хотел тот крест взять, как услышал голос: «Я лесной дух Никола Дуплинский! Всё, что хочешь, проси, только крест мой не трогай!» А я растерялся и убежал.

— И где же то дерево растёт? – спрашивает жена.

— Да в еловой роще, что за ручьём.

А Степанида мужа-то своего и правда не любила. Как услышала она тот рассказ, сразу задумала к чудо-сосне отправиться и упросить Николу Дуплинского мужа её извести. На следующее утро взяла баба топор, сказала, что за дровами пойдёт, а сама прямёхонько в еловую рощу отправилась. Афанасий тут же за ней: пока жена ручей обходила, мужик его вброд перешёл, добежал до сосны и в дупле затаился. Нашла Степанида дерево с крестом на суку, встала перед ним на колени, стала просить:

— Батюшка Никола Дуплинский, ты всё можешь! Помоги мужа моего извести! Не хочу я с ним больше жить! Я соседа нашего Никанора люблю!

А Афанасий голос изменил и отвечает ей из дупла:

— Ну что ж, это дело нехитрое. Ты блинов напеки побольше, смажь их маслом да сметаной погуще. Муженёк твой тех блинов отведаёт, сразу ослепнет да оглохнет, а потом и помрёт.

Обрадовалась баба, что так легко можно от мужа избавиться, поблагодарила лесного духа, быстро дров нарубила да в деревню отправилась. А мужик вылез из дупла, ручей вброд перешёл и дома быстрее Степаниды оказался. Как вернулась жена, стал Афанасий её расспрашивать:

— Ты где дрова рубила?

— Да в соседнем лесочке.

— А что же ты к той осине не сходила, у Николы Дуплинского помощи не попро-

сила?

— Ну что ж лесного духа по пустякам отвлекать, я и сама управилась.

На следующее утро принялась жена на кухне хлопотать, блины стряпать. Наготовила целую стопку, щедро смазала их маслом, поставила рядом крынку со сметаной, позвала мужа завтракать. Спустился Афанасий с печи, стал блины за обе щеки уминать да жену нахваливаться. А Степанида вокруг суетится, блинки мужу в тарелку подкладывает: думает, что чем больше он съест, тем быстрее на тот свет отправится. Наелся мужик досыта, сидит, по животу себя поглаживает. Вдруг как закричит:

— Ой, батюшки! Ничего не вижу! Я, наверное, ослеп!

— Да полно тебе врать-то! – отвечает жена, а сама еле радость сдерживает. – Это где ж такое видано, чтобы от блинов люди слепли?

Но мужик не унимается:

— Ой, батюшки! Ничего не слышу! Я, наверное, оглох!

Тут уж Степанида в злорадном хохоте зашлась. Скачет вокруг Афанасия, смехом заливается, пальцы в фигушки складывает да муженьку показывает. А тот кряхтит, дальше притворяется:

— Стешенька, миленькая, помоги мне на печь забраться. Может, отлежусь немного, да отпустит.

Уложила злодейка мужа своего на печь, а сама к Никанору отправилась.

— Пойдём, – говорит, – ко мне, я тебя блинами угощу.

— Да ты что? У тебя же муж дома!

— Дома-то дома, только он больше ничего не видит да не слышит, скоро вообще помрёт.

Привела Степанида соседа к себе в избу, стала блинами потчевать да рассказывать, как ей удалось мужа извести. Загорелись глаза у Никанора:

— Покажи, – говорит, – мне, где то дерево находится. Может, Никола Дуплинский и моё желание исполнит? Очень уж мне богатым охота стать!

— Пойдём, покажу, – отвечает баба. – Ты мешок денег попросишь, а я молодости. Эх, заживём!

Собрались они и в лес отправились. А Афанасий, как один остался, быстренько с печи слез, вброд ручей перешёл, добежал до сосны и в дупле спрятался. Добрались Степанида с Никанором до дерева с крестом на суку, встали перед ним на колени, начали просить:

— Батюшка Никола Дуплинский, ты всё можешь! Сделай так, чтобы мы молодыми да богатыми были!

А мужик изменил голос и отвечает им из дупла:

— Идите домой, ничего не бойтесь. Афанасий уж помер, его тело духи с собой унесли. Возьмите большую бочку из-под муки, поставьте кверху дном, а сами под неё залезьте и ждите. Придёт человек, задаст вам несколько вопросов, а потом одарит вас деньгами да молодостью.

Поблагодарили Степанида с Никанором лесного духа и домой побежали. Как только они из виду скрылись, вылез Афанасий из дупла, наковырял с деревьев смолы да за женой с соседом отправился. А те уж под бочкой сидят, ждут, когда их деньгами да молодостью одарят. Зашёл мужик в избу, изменил голос и спрашивает:

— Это ты, Никанор, блудил, по ночам к чужой жене ходил?

— Я, – проблеял сосед.

— Это ты, Степанида, мужа блинами накормила и до смерти уморила?

— Я, – пропищала жена.

— Ладно, раз Никола Дублинский обещал, дарую я вам мешок золота.

С этими словами Афанасий погремел цепью, будто монеты звенят.

— Ну, теперь буду вам молодость даровать, – сказал мужик, а сам положил смолу в горшок, сунул его в печь и стал проделывать в днище бочки отверстие.

Когда смола расплавилась начал он потихоньку её в дырочку капать.

— Тихо сидите, не шевелитесь, а то ничего не получится!

Никанор к стенке прижался, а Степаниде и деться некуда. Капает ей на голову смола горячая, но баба терпит – очень уж хочется молодой быть! Когда совсем не вмоготу стало, выскочили они из-под бочки, увидели Афанасия и как бросились прочь из избы! Пока до Никанорова дома добежали, смола уж застыла. Стала баба её отдирать, да прямо с волосами. Сделалась она страшной, аж жуть: вся голова в проплешинах, на лице красные ожоги. Как увидел это сосед, выгнал Степаниду прочь.

— Не нужна, – говорит, – мне такая жена страшная. Да и денег у меня нет, чтобы семью содержать.

Убежала неверная баба куда глаза глядят, бродит теперь по свету, людям на глаза показаться стыдится. А Афанасий и думать о ней забыл, живёт себе припеваючи.